

Таким образом, исследование подтверждает, что феномен «френдфляции» реально переживается молодежью 18–25 лет. Хотя большинство информантов на прямые вопросы отрицают влияние денег на дружбу, косвенные ответы и описание конкретных ситуаций раскрывают обратную картину: почти всем комфортнее общаться с людьми схожего достатка, а финансовые различия вызывают стыд и неловкость. Половина респондентов напрямую отказывались от встреч из-за нехватки средств, но негативные эмоции – обиду, чувство исключенности, грусть – испытывали абсолютно все. При этом, можно сказать, что молодежь использует две противоположные стратегии: конструктивные (прогулки вместо кафе, открытый диалог, поиск дешевых альтернатив) и деструктивные (долги, отказ от новых знакомств, разрыв отношений). «Френдфляция» для молодежи представляет собой не столько явные финансовые отказы от встреч, сколько неявный кризис доверия и открытости в дружеских отношениях. Основная проблема заключается не в самом отсутствии денег, а в невозможности говорить об этом с друзьями без стыда и страха быть осужденным. Именно это табу на обсуждение финансов превращает потенциально решаемые трудности в источник хронической тревоги и чувства исключенности. В результате дружба, которая должна быть пространством безопасности, становится зоной постоянного эмоционального напряжения.

Список использованной литературы:

1. Собака.ru. Дружба за деньги: как рост цен влияет на отношения с близкими // Собака.ru. URL: <https://www.sobaka.ru/smr/city/society/206719> (дата обращения: 17.04.2026).
2. Partridge J. Is the wealth gap ruining friendships? // The Guardian. 2023. 12 Nov. URL: <https://www.theguardian.com/money/2023/nov/12/is-the-wealth-gap-ruining-friendships> (accessed: 17.04.2026).
3. SLGuardian. The rising cost of friendship: how ‘friendflation’ is reshaping social lives // SLGuardian. URL: <https://slguardian.org/the-rising-cost-of-friendship-how-friendflation-is-reshaping-social-lives/> (accessed: 17.04.2026).

**Н.Н. Калмыков,
ММО «Объединение наставников»**

СОЦИАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ВЕКТОРОВ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

В статье предлагается социально-архитектурный подход к анализу векторов социальной активности студенческой молодежи в контексте современной государственной молодежной политики. Показано, что формы и устойчивость участия определяются конфигурацией среды – пространственной, институциональной, цифровой, нормативно-правовой, символической и временной. Предложена операционализация средовых факторов для эмпирических исследований.

Ключевые слова: социальная активность молодежи, социальная архитектура, студенческая среда, молодежная политика, проектные треки, цифровая среда, наставничество.

SOCIAL ARCHITECTURE AS A FACTOR SHAPING VECTORS OF STUDENT YOUTH SOCIAL ACTIVITY

The article proposes a social-architectural approach to analyzing vectors of student youth social activity within the framework of contemporary youth policy. It argues that the sustainability of participation depends on the configuration of the environment (spatial, institutional, digital, legal-regulatory, symbolic, and temporal). A compact set of indicators is suggested to operationalize environmental factors for empirical research.

Keywords: youth social activity, social architecture, student environment, youth policy, project tracks, digital environment, mentoring.

Тема социальной активности молодежи в 2024–2026 гг. приобрела дополнительную практическую и исследовательскую значимость в связи с институциональным усилением государственной молодежной политики. Утверждены стратегические ориентиры и план мероприятий по их реализации, развивается национальный проект «Молодежь и дети», а нормативное поле задается федеральным законом о молодежной политике [1–4]. В этой конфигурации возрастает запрос на объяснительные модели, позволяющие анализировать не только декларируемое участие, но и устойчивость вовлеченности, воспроизводимость практик и их трансформации в университетских и городских контекстах.

Распространенная в эмпирических исследованиях редукция социальной активности к индивидуальным установкам и мотивации дает полезный инструментарий для опросов и сравнений групп, однако обладает существенными ограничениями. Во-первых, она недостаточно объясняет устойчивость участия: при сопоставимых установках наблюдаются разные траектории включенности в зависимости от контекста. Во-вторых, индивидуалистские модели недооценивают селективность возможностей: доступность форм активности определяется не только желанием субъекта, но и тем, как среда организует «входы», ресурсы, правила и признание. В-третьих, эти модели ограниченно учитывают платформенную и проектную логику современной молодежной активности, где цифровая видимость и метрики признания становятся самостоятельными факторами [5].

В статье предлагается социально-архитектурный подход как методологическая рамка анализа векторов социальной активности студенческой молодежи. Под социальной архитектурой понимается динамически формируемая система дизайна многомерной среды, обеспечивающая (или ограничивающая) воспроизводство определенных моделей участия. В контексте молодежной политики важно фиксировать шесть взаимосвязанных уровней социальной архитектуры: пространственный, институциональный, цифровой, нормативно-правовой, семиотико-символический и историко-культурный/временной. Такой набор уровней позволяет связывать формы активности с конфигурацией среды и анализировать управляемость средовых изменений, создаваемых мерами молодежной политики [1–4; 6; 7].

Операционализация социально-архитектурной рамки предполагает перевод уровней архитектуры в измеримые показатели. На пространственном уровне это доступность мест активности (время и стоимость доступа), плотность инфраструктуры участия, наличие «третьих

мест» для самоорганизации. На институциональном уровне – число и разнообразие «входов» (клубы, проектные офисы, НКО), прозрачность правил участия, наличие наставничества/кураторства, устойчивость проектных треков (цикл «идея → поддержка → результат → признание»). На цифровом уровне – наличие единого контура учета участия, метрики видимости (портфолио, бейджи), барьеры цифрового доступа, распределение внимания. На нормативно-правовом уровне – согласованность регламентов и требований отчетности с реальными практиками и степень бюрократической нагрузки на участника. На символическом уровне – престиж практик и порог стигмы для разных форм активности. На историко-культурном и временном уровне – традиции участия в конкретном вузовском/городском контексте, сезонность вовлечения и инерция успешных практик [5].

Социальная архитектура студенческой среды складывается на пересечении образовательных институтов, городской инфраструктуры, цифровых платформ и нормативных требований. В 2024–2026 гг. она дополнительно «уплотняется» за счет усиления молодежной политики: университеты и партнерские организации формируют экосистемы вовлечения (проектные треки, волонтерские и гражданские практики, наставничество), что усиливает значимость именно средовых механизмов [1–3]. Пространственная организация кампусов и города влияет на интенсивность коммуникаций и устойчивость сообществ; институциональные элементы задают легитимные форматы участия; цифровые платформы создают иерархию видимости; нормативный контур способен как снижать неопределенность, так и усиливать имитационность при доминировании отчетной логики; символические коды легитимируют одни практики и маргинализируют другие.

Векторы социальной активности в социально-архитектурной логике являются результатом селективного воздействия среды: конфигурация архитектуры определяет, какие формы активности становятся массовыми и устойчивыми, а какие – эпизодическими или латентными. В средах с высокой институциональной плотностью и развитой инфраструктурой воспроизводятся проектные, волонтерские и гражданские формы активности, поскольку среда предоставляет каналы включения, ресурсы, наставничество и механизмы признания. В условиях фрагментированной или избыточно формализованной среды активность чаще приобретает имитационный характер либо смещается в неформальные и цифровые контуры.

В контексте молодежной политики принципиально важно различать: (а) активность как событие (разовые включения, ориентированные на видимость и отчетность), (б) активность как устойчивая практика (повторяемые действия, встроенные в повседневность и социальные роли) и (в) активность как проектный трек (серии действий, привязанные к календарю конкурсов/грантов и инфраструктуре сопровождения). Это различие позволяет формулировать проверяемые гипотезы: рост институциональных возможностей без снижения транзакционных издержек входа повышает уровень «событийной» активности, но не гарантирует устойчивого участия; усиление цифровой видимости смещает участие к медийным форматам; наличие устойчивого сопровождения (наставник, ресурсы, понятный цикл признания) повышает вероятность трансформации разовых включений в повторяемые практики.

Таким образом, социально-архитектурный подход позволяет расширить методологический инструментарий социологии молодежи и обеспечивает связь между эмпирическим измерением активности и практиками проектирования молодежной политики. Научная новизна статьи состоит в адаптации подхода к нормативно-институциональной рамке молодежной политики и в предложении операционализируемой схемы уровней социальной архитектуры,

пригодной для сравнительных исследований университетских контекстов. Практическая значимость заключается в возможности использовать подход при проектировании университетских экосистем молодежной политики и оценке эффективности мер, ориентированных на устойчивое вовлечение молодежи [1–5].

Список литературы:

1. Правительство Российской Федерации. Стратегия реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года: распоряжение Правительства РФ № 2233-р от 17.08.2024.
2. Правительство Российской Федерации. План мероприятий по реализации Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года: распоряжение Правительства РФ № 1620-р от 23.06.2025.
3. Национальный проект «Молодежь и дети» (2025–2030): паспорт (утв. в установленном порядке).
4. Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации».
5. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Социальная активность молодежи: сущность, формы, факторы. М.: Институт социологии РАН, 2017.
6. Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структуризации. М.: Академический проект, 2005.
7. Бурдье П. Социальное пространство и символическая власть. М.: Институт экспериментальной социологии, 2007.

М.А. Каримов,
Национальная академия наук Кыргызской Республики

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Статья анализирует трансформацию социальной идентичности в условиях глобализации, включая кризис традиционных форм и появление гибридных и цифровых моделей. Рассматривается влияние информационных технологий, социальных сетей, образования и политики на формирование множественной идентичности. Подчеркивается необходимость баланса между глобальной открытостью и сохранением локальной культуры.

Ключевые слова: глобализация, социальная идентичность, культурная идентичность, кризис идентичности, цифровые сообщества, межкультурный диалог, глобальные ценности, локальная культура, молодежь.

M.A. Karimov,
Nacional'naya akademiya nauk Kyrgyzskoj Respubliki

THE PROBLEM OF SOCIAL IDENTITY IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION

The article analyzes the transformation of social identity in the context of globalization, including the crisis of traditional forms and the emergence of hybrid and digital models. The influence